

Арина Ломтева

Любовь потерянных душ

*The potency of a soul
is measured by how much
it can trust and love;
its impotency by how
little.*

I

Мышка проснулась от того, что кто-то тихонечко гладил её по лицу. Прикосновения были нежными, ненавязчивыми. Не открывая глаз, можно было определить, что это прикосновения любящего человека. Мышка открыла глаза и увидела склоненное над ней лиц того, кого она любила, кто любил её, но с кем она по каким-то причинам резко оборвала общение. Что это были за причины, она не помнила, помнила только, что её жестоко обидели, обидели подозрениями и недоверием...

Мышка осмотрелась по сторонам. Она лежала в просторном, залитом солнцем помещении, как будто на какой-то огромной террасе, а вокруг неё было много-много цветов. Все они росли в больших

и маленьких вазонах. Те, что были побольше, стояли подальше, те, что поменьше, впереди. От каждого растения исходил свой собственный аромат: от одного — сладкий, от другого — мятный, от третьего — душистый, как от лесных трав...

Мышка была в кровати. Всё было белоснежным: простыня, одеяло, небольшая подушечка. Такая белоснежная постель была типична для большинства европейских отелей — Мышка это знала, потому что в своё успела попутешествовать. В последний раз она была в Брюсселе. Она туда уехала очень спонтанно и пробыла там достаточно долго. Поездка была грустная. Что вынудило её предпринять эту поездку, она не помнила. Не помнила она и подробностей пребывания в Брюсселе. В памяти всё было темным, как ночью. Помнила только, что эта поездка была для неё последняя...

— Я в больнице? — Спросила Мышка, оглядываясь по сторонам и не особо обращая внимание на того, кто сидел рядом и смотрел на неё с улыбкой.

— Нет, ты уже не в больнице, — ответил он. Почему же они так долго не общались? Из памяти было вытерто всё. Мышка поморщилась, пытаясь хоть что-то вспомнить.

— Если я не в больнице, то где? В санатории?

— Нет, ты не в санатории. Ты там, где намного лучше, где хорошо так, как нигде больше.

— Где же тогда?

— Придёт время, я всё тебе расскажу.

— А ты разве не в Москве? Ты же собирался туда, — вспомнила вдруг Мышка.

— Я уже был там... — *Он* вдруг поник.

— Так что, ты опять в Питере?

— Мышка, мы с тобой не в Питере и не в Москве. Мы очень-очень далеко, — грустным и каким-то уставшим голосом ответил он, — Я тебя дождался, и для меня это самое главное.

— А почему ты светишься? — Вдруг обратила внимание Мышка на приятное, неяркое свечение, которое исходило от *него* и как будто согревало.

— Ты тоже светишься, — заметил с свою очередь *он* .

Машинально Мышка глянула на свои руки — они и в самом деле светись таким же приятным, ненавязчивым светом. Мышка отбросила одеяло и оглядела себя с головы до ног — она светилась вся, даже от розовой ночной рубашки исходило свечение. У неё в голове сразу же зароился беспокойный рой вопросов, а *он* , словно желая предвосхитить их, уложил её на подушку и укрыл одеялом.

— Спи. Тебе нужно восстанавливаться. Ты потеряла много сил.

Мышка собиралась спросить, зачем ей восстанавливаться, но внезапно её сморил сон. Веки сомкнулись сами собой. *Он* какое-то время смотрел на неё, затем поднялся и вышел. *Он* так долго ждал её, свою девочку. *Он* так боялся, что не встретит её, ведь *здесь* всё подчинено своим законам, и *ему* могли не разрешить её увидеть. Разрешили, в порядке исключения, видя, как *он* её любит и мучается болью потери. А могли не разрешить, ведь она не простила *его*, и у *него* оставалась большая вина перед ней...

Второй раз Мышка проснулась, когда уже начало смеркаться. В помещение, где она лежала, проникали бархатистые сумерки. Казалось, им хотелось, чтобы она всегда была спокойна и никогда ни о чём не переживала. Растениям, видимо, хотелось того же самого. Мышке чудилось, что они в участливом молчании наблюдают за ней, сочувствуя тому, что она пережила — чему именно, вспомнить она не могла никак. Растения тихонечко шелестели стеблями — казалось, они о чём-то переговариваются, не переставая при этом наблюдать за Мышкой. Сама Мышка лениво повернулась на бок и поймала себя на том, что ей не хочется вставать. Поначалу её посетили легкие угрызения совести — нужно готовиться к занятиям, а она спит, но эту мысль затмила другая, неожиданная: занятий никаких нет и больше

никогда не будет. От этой мысли Мышке почему-то стало не по себе. Она завернулась одеяло и уселась. Мысли её обратились к *нему*. Ей вдруг очень захотелось, чтобы *он* был здесь, рядом с ней. Она чувствовала к *нему* щемящую нежность и бесконечную жалость. Она будто тоже была в чём-то перед *ним* виновата. В эту же минуту *он*, словно на расстоянии прочитав её мысли, пришёл на её немой зов и, улыбаясь, уселся к ней на кровать. Оба подались друг к другу, как при сильном взаимном притяжении, и обнялись. В следующий же миг встретились их губы. Это был настоящий поцелуй душ: нежный трепетный, очень долгий... Через какое-то время Мышка нехотя оторвалась от *его* губ и обвила лёгкими, как крылья птицы, руками *его* шею. *Его* руки обняли её чуть ниже талии, а губы целовали её между шеей ушком. Затем они снова встретились губами. Точно также они целовались впервые, когда только начинали дружить и любить. Казалось, это было совсем недавно. Вместе с тем это было очень давно...

В какой-то момент Мышка начала задыхаться и рефлексивно прервала поцелуй. *Он* понимающе улыбнулся.

Почему она мысленно называла его «*он*»? Ведь у *него* было имя. Его звали Антон. Оба они, *он* и Мышка, были из Санкт-Петербурга. Они

очень друг друга любили, но почему-то свели отношения на нет. По какой причине, Мышка вспомнить не могла. Она помнила только, что причина эта была очень веской. А потом какое-то обстоятельство забросило её в Бельгию, и связь с Антоном оборвалась вообще. Возобновилось общение *здесь* ...

— Мне надоело лежать. Чувствую себя больной или калекой. Я бы пошла погуляла, — заметила Мышка, чтобы поддержать разговор.

— Хочешь, вместе пойдем? Я как раз хотел предложить тебе куда-нибудь пойти.

— И куда же мы пойдём?

— А куда ты хотела бы? — С интересом спросил *он*.

— Я много куда хотела бы... В Петергоф, на Марсово поле, в какой-нибудь парк... — Начала оживленно перечислять Мышка, — У меня такое впечатление, будто я не была там очень давно.

— Так и есть. Ты не была два месяца в местах, которые ты любила, — констатировал *он*, неторопливо делая после Мышки глоток кофе, — Но сегодня мы побываем везде, где ты захочешь, тем более, что в Санкт-Петербурге начались белые ночи.

— Я поняла! Мы в каком-то санатории и сейчас едем в Питер! — Сделала попытку догадаться о своем местопребывании Мышка. *Он*

с улыбкой покачал головой: они были не в санатории. Мышка хмыкнула: снова она не угадала, а *он* умолчал о том, где они находятся.

— Итак, откуда начнем прогулку? — Спросил *он*.

— С Петергофа, — деловито сказала Мышка, спрыгнула с кровати и вплотную подошла к зеркалу, которое до этого не заметила. Она и сама удивилась, как это не увидела его, когда два раза просыпалась и осматривалась по сторонам. Оно словно возникло из ниоткуда, огромное, в серебристой оправе. Оно странно манило к себе, завлекало в себя. Мышке невольно хотелось переступить раму и шагнуть туда, в него. Зато её не впечатлило своё отражение. Из зеркала на неё смотрело маленькое щупленькое создание с запавшими глазами и каким-то странным шрамом в области шеи. Мышка рефлекторно стала ощупывать шею, пытаясь вспомнить, что с ней могло произойти, после чего у неё на всю жизнь на самом видном месте остался т такой некрасивый шрам. В это время подошёл *он*. Мышка повернулась к *нему* с взглядом, полным ожидания слов утешений или... пояснений.

— Всё хорошо, — успокоил её *он*, присаживаясь перед ней на корточки, — Ты у меня красавица.

— Ты так говоришь, чтобы не расстраивать

меня, — покачала головой Мышка.

— Я никогда не говорю так, чтобы не расстраивать. Я люблю тебя любую, вот и всё, — *он* улыбнулся и поднял к ней лицо, — Поцелуй меня.

Мышка, слегка сбитая с толку этой просьбой в то время, когда они говорят о её незавидной внешности, склонилась к *нему* и прильнула к *его* губам. *Он* закрыл глаза, как закрывал их всегда, когда они целовались.

В зеркале на фоне притихших в темных сумерках растений отражались светящиеся спокойным светом силуэты двух любящих друг друга душ, слившихся в трепетном поцелуе.

II

Мышка так и не поняла, как они оказались в Петергофе. Зеркало, перед которым они целовалось, стало ещё больше в размерах. В конце концов, оно словно растворилось, испарилось в воздухе, а они оказались в открытом море. Их ноги едва касались воды. На секунду Мышка испугалась, что вода затянет их в свои глубины, и они пойдут ко дну. Она ойкнула и боязливо посмотрела под ноги, а *он* крепко прижал её к себе.

— Ничего не бойся, — прошептал *он*, касаясь губами её маленького уха.

— А мы не утонем? — Мышка продолжала с

опаской коситься на покрытую золотистой рябью поверхность чистой прохладной воды.

— Не утонем. Такие, как мы с тобой, не тонут, не горят, и не падают, — улыбнулся *он*, — Если тебе страшно, смотри не под ноги, а вперёд.

А впереди разлился розовый дымчатый закат, на фоне которого, важно рассекая морскую гладь, плыл огромный корабль. Сонные после ночи чайки лениво перекликались между собой, то качаясь на волнах, то взмывая в небо, то присаживаясь на мачты и трубы корабля. Мышка сразу же узнала в нём знаменитую «Аврору».

— Интересно... «Аврора» плавает, в то время как она должна стоять на ремонте в Кронштадте.

— Она там и стоит, — загадочно улыбнулся *он*.

— Вижу я, как она стоит! Рассекает по морю!

— Возвращается домой с ночной прогулки, — пояснил *он*, — Ночью ей скучно стоять одной на морском заводе, и она пускается в самовольное плавание. Сейчас она, судя по всему, была в Швеции. Во всяком случае, возвращается оттуда...

— Чудеса! — Хмыкнула Мышка, — А если ей и днём захочется попутешествовать?

— Нельзя, — покачал головой *он*, — Если «Аврору» не застанут на месте, будет большой скандал. На заводе решат, что её украли.

— Как мило! «Аврора», которая гуляет сама

по себе!

— Каждая вещь живёт своей жизнью, только обычные люди этого не замечают, — задумчиво сказал *он*.

— Наверное, мои тапки тоже живут своей жизнью. Я каждый вечер ставлю их возле кровати, а утром они оказываются у окна, — вспомнила Мышка, — Им, наверное, летать охота!

Он улыбнулся и ничего не ответил.

Через несколько мгновений Мышка увидела знакомый с детства берег Финского залива в Петергофе. Она не знала, который час, но догадывалась, что ещё очень рано, потому что туристов и отдыхающих до сих пор не было.

— Петергоф откроется только через три часа, поэтому сейчас в нашем распоряжении весь парк, — словно прочитав её мысли, пояснил *он*.

— Тогда нам здесь нечего делать! — Пожала плечами Мышка, — Сейчас даже фонтаны не работают!

— Ты уверена в этом? — хитро улыбнулся *он* и потянул её к Большому каскаду. В ту же секунду Мышка почувствовала обжигающую свежесть водяных струй фонтана «Самсон». Золото бронзовых скульптур и хрустальные водяные струи искрились, переливались, слепили глаза. Мышка была в восторге. Ей одновременно было необычно, страшно и весело. *Он* тоже смеялся и пытался

затащить её в воду с головой.

— Что это за дурь вы тут устроили?! — Раздался вдруг у них над ухом зычный голос. Оба подняли головы вверх. Судя по всему, с ними разговаривала статуя Самсона, раздирающего пасть льва. Во всяком случае, голос исходил с её стороны.

— А что, нельзя? — Вырвалось у Мышки. *Он* незаметно дёрнул её за рукав, а она досадливо отмахнулась.

— Можно, конечно! Только я мог ещё три часа спать, а не развлекать вас, бездельников!

— А Вас никто не просит нас развлекать! — Снова огрызнулась Мышка, — Спице себе, сколько влезет!

— Если я буду спать, то спать здесь будут все, и чёрта с два вы попрыгаете в фонтанах! Весь парк на уши поставили! — Ревел Самсон.

— Да уж... Мы бы тоже могли постоять в тишине и довольствии... Хватит с нас невоспитанных туристов, — картинно вздохнули скульптуры Юноны, Венеры и Галатеи, а Юпитер недовольно нахмурился. Одна из бронзовых лягушек проснулась, сонно квакнула и снова заснула.

— Извините нас, пожалуйста, — Мышкин спутник густо покраснел, — Моя Мышка очень вредная, со всеми любит ссориться, но плохого не делает.

— Ладно уж, идите... — Махнул рукой Самсон, — А я дальше буду одолевать своего Льва.

— Удивляюсь твоей способности переругаться со всеми, с кем можно и с кем невозможно, даже со скульптурами! — Вменял *он* Мышке, когда они спустились к водам Морского канала по направлению к заливу.

— Их никто не трогал! Пускай стоят и молчат! — В своём запальчивом духе ответила Мышка и осеклась. До неё только сейчас дошло, что она вела весьма милый диалог *со скульптурами Большого каскада*.

— Умничка моя... Ты ещё и не такому научишься, — опять, будто прочитав её мысли, сказал *он* и обнял её за плечи.

— Точно чудеса... — Пожала плечами Мышка и тут же переключилась мыслями на другое, — А я вот никогда не была в Большом дворце.

— В Большой дворец попадём в другой раз. Там сейчас идёт ремонт, и ничего, кроме пыльных чехлов и лесов, мы там не увидим.

— Ну, а в Монплеизир можно попасть? Или там тоже ремонт затеяли?

— Не могу сказать... Сейчас узнаем.

В этот же миг внезапный порыв ветра отнес в сторону, и они оказались перед любимой резиденцией Петра Первого. В уютном саду,

раскинувшемся перед дворцом, пышным цветом цвели красные и розовые тюльпаны и тёмно-синие ирисы. Мышка вдруг почувствовала усталость и присела на широкую зелёную изгородь из аккуратно постриженных кустов самшита. *Он* присел рядом с ней.

— Мыша опять хочет спать... — *Он* сочувственно улыбнулся и склонил её голову к себе на плечо, — Мы можем прикорнуть в Монплезире на каком-нибудь диванчике.

— Здесь тоже неплохо: солнышко, тепло... — Мышка зевнула и не заметила, как уснула. Она спала минут пять-семь, но за этот короткий промежуток успела увидеть сон, что на пересечении Марлинской и Монплезирской аллеи её встречает сам Пётр Первый, она делает ему реверанс, а он добродушно ей улыбается и галантным жестом приглашает в свою любимую резиденцию, куда она так хотела попасть. Проснувшись Мышка в обители Петра — дворце Монплезир, и не где-то, а в царской спальне. Спальня ей понравилась: небольшая комната в спокойных зеленоватых тонах, с высоким лепным и расписным потолком, с белым вычурным камином и, конечно же, с кроватью. Последняя была не очень большая, но уютная, с балдахинном. Мышка была укрыта старинным расшитым покрывалом. Пару минут она ломала голову, как могла уснуть

здесь, во дворце-музее, да ещё и под покрывалом... Интуиция подсказывала Мышке, что на этот раз о ней позаботился не тот, кто привёл её в Петергоф по волнам Финского залива. *Его*, кстати, не было. Мышка попыталась позвать *его* мысленно, как уже делала раньше, но на её мысленный зов *он* не явился. «Предатель...» — пронеслось в мозгу у Мышки. Неприятные мысли унеслись, как тучки, когда она увидела висевшее на стене между окнами зеркало в резной покрытой золотом оправе. Ещё одну возможность глянуть на себя в зеркало Мышка упустить не желала, к тому же ей не давал покоя шрам, который она недавно обнаружила у себя на шее. Невысокая ростом, Мышка взгромоздилась на стоявший под зеркалом стул с мягким шёлковым сиденьем, встала на цыпочки и заглянула в зеркало. Снова на неё смотрело щупленькое создание-тень с бездонными тёмно-синими глазами, остреньким носом и тем же жутким шрамом на шее. Мышка невольно провела по нему рукой, делая очередные попытки вспомнить, откуда он. Внезапно на заднем плане отражавшейся обстановки комнаты она увидела Петра Первого. Его облик был точь-в-точь таким, каким она привыкла его видеть в учебниках по истории и на картинах великих художников. Он был так же молод, дерзок, резок, смел, ужасен и...красив. Он смотрел на Мышку и улыбался. Она

вздрагнула и повернула голову назад. В комнате никого не было. У Мышки побежали мурашки по коже. Она явно чувствовала в комнате чьё-то присутствие. И хотя этот кто-то вовсе не желал ей зла, Мышке было не по себе. Не по себе ей было и от сумеречной обстановки, создаваемой плотными гардинами, и от абсолютной тишины...

А тем временем кто-то звал её осмотреть другие помещения дворца. Мышка слезла со стула и как замороженная вышла из спальни. Она сразу же попала в Секретарскую комнату. Уютный, домашний интерьер последней немного успокоил её, и она уселась на деревянный стул перед небольшим столиком и начала задумчиво рассматривать картины, которые в своё время великий император откуда только ни навёз в огромном изобилии...

Покрытый лаком стол, добротные массивные стулья с резьбой и морские мотивы голландской плитки создавали обстановку одновременно роскоши и сдержанности.

Побыв в Секретарской, Мышка направилась через прозрачную галерею в Морской кабинет. Там была такая же сдержанная роскошь, как в Секретарской комнате. Дубовая облицовка, старинные вещи личного пользования Петра — ларь, табакерка, глобус на резной ножке, то же обилие картин на морскую тематику... Мышку

больше всего заинтересовали табакерка и аккуратно сложенные в ней листы табака. Она вытянула из табакерки один лист и понюхала его. Запах от листа исходил божественный. Мышка снова приложила носом к табачному листу и громко и сладко чихнула. Неожиданно она снова почувствовала чьё-то присутствие. Она обернулась назад. В углу между двух окнами на специальной подставке стояла гипсовая голова, точь-в-точь повторяющая черты лица императора. Голова подмигнула Мышке и улыбнулась — ей это не показалось. Это было слишком. С диким криком Мышка выскочила из Морского кабинета и помчалась вдоль длинной узкой прозрачной галереи, сама не зная, куда. Кто-то звал её из Морского кабинета, просил задержаться, не сбегать так скоро и быстро — она отчётливо слышала своё имя, но не остановилась. Дикий ужас гнал её вдоль огромных в пол окон, мимо виднеющейся через них полосы Финского залива с одной стороны и уютного парка дворца Монплезир с другой. Наконец, Мышка увидела открытое окно и прошмыгнула через него на улицу. Она тут же оказалась в *его* объятьях.

— Ты где был?! — Набросилась она на *него*, — Здесь дом полный привидений, а тебе и дела никакого нет!

— Тут такие же привидения, как и мы с тобой, — пожал плечами *он* и поцеловал её, — И

кто же тебе привиделся?

— Не знаю! Пётр Первый то в зеркале мне улыбался, то подмигивал, то звал меня по имени! Может, это галлюцинации? Я там понюхала табачные листья... — Мышка развела руками и снова уселась на ту же самшитовую изгородь.

— Нет, это не галлюцинации. Ты была у него в гостях. Он показывал тебе свой дворец.

— То-то мне казалось, что кто-то водит меня по комнатам...

— А императрицу ты не видела?

— Нет. До этого ещё не дошло.

— Есть еще Екатерининский корпус Дворца. Там ты можешь познакомиться с её Императорским Высочеством Елизаветой Петровной, — с улыбкой заметил *он*.

— Нет уж, спасибо! — Фыркнула Мышка, — Мне интересно другое: куда ты испарился и почему я осталась одна в этом пустом особняке?

— Ну, потому что его Императорское величество Петр Алексеевич не пустил меня внутрь, велел сидеть и ждать тебя здесь, — развёл руками *он*.

— Очень мило...

— И я о том же. Ты своими реверансами кого угодно с ума сведёшь, даже самого Мефистофеля.

— Какими ещё реверансами?

— А такими, которые были на пересечении

Марлинской и Монплеzirской аллея.

— Так это был не сон? — Удивилась Мышка.

— Нет, девочка моя... Тебя действительно пригласил во дворец сам Пётр Первый, а я, как собака, остался сидеть на улице.

— Так я, получается, его обидела... Сбежала... Нужно вернуться и поблагодарить его.

— В другой раз. Сейчас повалят туристы, и Петру будет не до тебя. Ему нужно будет следить за порядком в своих дворцах, в парках, развлекать отдыхающих... Словом, царь сейчас будет очень занят. Но ты сможешь возвращаться сюда всегда, когда тебе захочется, когда ты сможешь легко перемещаться во времени и в пространстве при помощи одной только мысли...

— А сейчас не могу?

— Пока нет...

— Что за чушь?! Если я захочу попасть на Невский или к себе на Петроградку, никто не запретит мне это сделать! — Заявила Мышка и тут же, в несколько мгновений преодолев по воздуху приличное расстояние, оказалась на узкой аллее Большой Конюшенной улицы.

— Я еле угнал за тобой... — Запыхавшимся голосом сообщил *он*, следуя за ней позади, — У меня только с третьего раза получилось перемещаться по воздуху силой мысли, а у тебя с первого...

— Я разозлилась, поэтому сгоряча и получилось... — Нарочито сердитым тоном ответила Мышка и тут же носом к носу столкнулась с каким-то молодым человеком. Самое интересное, что он Мышку даже не заметил и как шёл, так и пошёл, не остановившись и не извинившись.

— Определённо все свиньи... Налетел, так хоть бы извинился! — Заметила Мышка и обернулась к *нему*, — Я кушать хочу. Может быть, зайдём в «Барселону»? Давно хотела попробовать вяленую свиную ногу.

— Я «за». Только не уверен, что она там будет... Но паэлью, может быть, и попробуем. Заодно ты поймёшь, что молодой человек, который налетел на тебя, не свинья, просто мы с тобой невидимы.

— Очередные бредни, конечно, ну ладно... — Пожала плечами Мышка и направилась в сторону ресторана «Барселона».

Дверь в кафе была открыта. Когда *он* вошёл внутрь, официант захлопнул её перед самым Мышкиным носом. Мышку до такой степени это задело, что она, кипя от ярости, со всей силы дёрнула ручку, но вместо того, чтобы открыть дверь, прошла в помещение *сквозь* неё.

В кафе было душно и царил полумрак. Парочка посетителей сидела поодаль, а официантам действовал на нервы какой-то пьянтос. Он уже два

часа сидел и дурил голову по очереди обслуживающему персоналу и другим гостям: то ему нужно было пять рюмок водки, то свежайшие моллюски, то с кем-нибудь поговорить за жизнь. Официанты уже перестали обращать на него внимание и, наскоро обслужив посетителей, курили — делали короткую передышку.

Он уселся за дальним столиком и принялся изучать меню. Мышка обратила внимание на то, что ни один из пяти официантов не подошёл к *нему* и не предложил свои услуги. Когда она указала *ему* на этот непростительный промах в обслуживании клиентов, *он* улыбнулся:

— Я их напугаю...

— Что ты собираешься сделать?

— Сейчас увидишь... — *Он* поднялся и невозмутимой походкой пошёл за барную стойку. Там *он* открыл холодильник и вытащил оттуда запотевший от холода небольшой пузырёк испанской водки, а с барной стойки взял рюмку. От увиденного у официантов медленно поползли на лоб глаза, а беспокойный посетитель так и присел: слыханное ли дело, холодильник открылся сам собой, а бутылка водки и стопка вальяжно плыли по воздуху, да не куда-нибудь, а прямо к нему. Мало того, поравнявшись с его носом, они начали дико скакать, приплясывать и чокаться как при тосте. Официанты начали осенять себя и ресторан

крестным знаменем, а посетители убрались восвояси. Клиент, долго не рассуждая, тоже ринулся к двери, но неудачно: на самом проходе стоял табурет, и он зацепился за него, наделав шуму и больно ушибив колено. С жуткими ругательствами он таки выбежал из ресторана, а бутылка водки и рюмка вернулись на свои положенные места. Это *он*, решив, что достаточно шуток, вернул их туда, где они стояли. Затем *он* вернулся за столик и снова с чинным видом принялся изучать меню. Бледные как полотно официанты тихо совещались между собой на предмет того, что завтра же нужно вызвать батюшку и осветить ресторан, иначе потери клиентуры им не избежать.

— Чего они все так перепугались? — Спросила Мышка, буквально складываясь пополам от хохота.

— Ты ничего не замечаешь? — С улыбкой спросил *он* и рукой зачесал ей назад со лба волосы.

— А что я должна заметить? — Сменила веселье на удивление Мышка.

— Нас с тобой не видят. Поэтому все так перепугались, когда я достал водку и стакан — решили, что они ожили.

— Аааа... А почему нас не видят?

— А ты как думаешь?

— Не знаю... Мне кажется, что это сон... Скоро он закончится, и я опять пойду с утра в университет, а вечером — на работу... И все будут меня видеть. Да и тебя тоже.

— В университет и на работу ты больше не пойдешь, — Грустно покачал головой *он* и взял её маленькую изящную руку с аккуратными розовыми ногтями в свою, — Так же как и я больше никогда не пойду на свою работу. И нас с тобой больше никто никогда не увидит.

— Почему?

— А ты ни о чём не догадываешься?

— А о чём я должна догадаться? — Снова вопросом на вопрос ответила Мышка.

— Девочка моя, мы с тобой умерли...

— Сам ты умер! Придумал тоже! — Фыркнула Мышка.

— Мы с тобой умерли... Ты умерла во время массовых беспорядков в Бельгии, а я, не доезжая до Москвы, попал в страшную аварию...

— Да пошёл ты со своими бреднями! — Взбесилась вдруг Мышка и резко поднялась из-за стола, — Похоже, у тебя тоже крепкий бодун или белая горячка!

— Я не пьян и отвечаю полностью за то, что говорю. Ну, подожди, куда же ты? Не уходи... Ты всё, что у меня есть... — Он снова взял её за руку, но Мышка вырвалась.

— Всё, что у тебя есть, это та, которая была по уши влюблена в тебя, и с которой ты назло мне переспал! — Выпала она на одном дыхании и на секунду задумалась: откуда у неё возникли эти воспоминания? Они были очень тяжелы, болезненны, мучительны... В уголках глаз начали больно жечь выступившие слёзы. В сердцах плюнув, Мышка выскочила из ресторана. *Он* бросился за ней. Догнал её. Попытался обнять и... получил звонкую пощёчину. Она обожгла его, как змеиный яд или серная кислота. Мышка стремительно уносилась вперед, растворяясь в толпе то ли людей, то ли видений.

III

Их знакомство произошло в больнице. *Он* лежал на обследовании, Мышка — с диагнозом опухоли щитовидной железы. *Он* помнил их первую встречу так, словно она произошла вчера, до мельчайших подробностей. На тот момент *его* собирались выписывать, а Мышке уже сделали операцию и назначили химиотерапию, процедуру многократную и болезненную. Уже после первой процедуры у неё прядями полезли её красивые тёмные волосы, и она была вынуждена повязать на голову косынку. Мышка таяла и угасала, как восковая свеча.

Мышка сидела в коридоре за столом, смотрела из окна на сочную радостную зелень и грустила. На это, кроме тяжёлой болезни, у неё были и другие причины. Одной из них было чувство заброшенности, ненужности и одиночества. О другой причине она и вспоминать не хотела.

Неожиданно кто-то подошёл к её столу и присел рядом. Мышка повернула голову и увидела пару внимательных светло-салатовых глаз. Такие красивые глаза Мышка видела впервые — слегка навывкате, с прохладной поволокой. Их обладатель, высокий, коротко стриженный мужчина смотрел на Мышку и улыбался. От взгляда глаз Мышке захотелось плакать. Она, почувствовала, как краснеют её глаза и веки.

— Что случилось? — Спросил мужчина, тихонечко касаясь её руки.

Мышка рефлекторно хотела выдернуть руку, но почему-то не сделала этого. Невольно она обратила внимание на форму его пальцев. Их красивая удлинённая форма создавала о мужчине впечатление как об интеллигентном, сдержанном и в тоже время твердом и мужественном человеке. Мышка махнула рукой и закрыла лицо ладонью.

— Так и будем грустить и плакать? — Продолжал спрашивать он.

В этот момент к ним подошла медсестра.

— Почему сегодня не явились на